

*Б.М. ФИРСОВ**

О МОЕМ НАСТАВНИКЕ И ДРУГЕ

Когда Владимир Ядов окончил университет в 1952 году, началось так называемое второе ленинградское дело, еще одна волна массовых репрессий, арестов, исключений из партии и т. д. На этой волне его отец был привлечен к партийной ответственности за то, что в 1928 году, будучи уже студентом Института Крупской, воздержался от голосования при обсуждении платформы зиновьевской оппозиции. Ядов, когда вступал в партию, на третьем курсе, — естественно, ничего об этом не знал. Родители берегли детей от бед тем, что не травмировали их сознание постыдными историями чисток партийных рядов. Отца исключили из партии за сокрытие факта колебаний в проведении генеральной линии большевиков, а сыну дали выговор, потому что при вступлении в КПСС не указал, что отец «колебался» в 1928 году. Между прочим — Ядов-сын родился в 1929-м, но партия в такие тонкости не вникала.

Ядов был рекомендован в аспирантуру. Но после всех разбирательств ни в какую аспирантуру не попал и остался без распределения. Его взяла учительствовать директор той школы, которую он окончил, и держала в штате даже тогда, когда Ядов проходил со своим выговором все инстанции и нигде не соглашался, что выговор правомерный. Молодой коммунист считал взыскание безнравственным и непонятным. За то, что он упорствовал, его вообще из партии исключили. Но он остался в школе (это в 1952 году!) учителем логики и психологии. Потом уже, как водится, нажали на директора. Директор сказала: «Володя, я не могу больше, тебе придется уйти». Но в это время умер вождь и учитель всех народов. С трудом (ведь Ядов был исключен из партии да еще выпускник университета) его, безработного, взяли на завод станков-автоматов. Затем последовало восстановление в партии и возвращение в университет.

В аспирантуре начал серьезно заниматься проблемами идеологии, сознания, пропаганды, читать западную литературу, сошелся с психологами (профессора В. Мясичев, Б. Ананьев), с Грушиным, который тогда подбирался к анализу массового сознания. Защитился блестяще и был оставлен в университете читать лекции по истмату.

Фирсов Борис Максимович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3. Телефон: (812) 579-42-30. Электронная почта: firsov@eu.spb.ru

Однажды в коридоре к нему подошел И. Кон и сказал: «Почему бы тебе не заняться эмпирической социологией». И предложил почитать книжку двух американцев Гуда и Хатта «Методы социологического исследования». Более того, всезнающий Кон подсказал тему — изучение бюджетов времени рабочих. Она не только открывала вход в повседневную жизнь людей, но и давала шанс получить добротный эмпирический материал. При развитом философском видении жизни можно было многое домыслить. Первый опыт погружения в эмпирическую данность был простым, но он открыл путь к советской социологической классике — книге «Человек и его работа», написанной Ядовым вместе с А. Здравомысловым и другими коллегами. Тогдшний ректор ЛГУ, профессор А. Александров, в числе первых питомцев *alma mater* послал молодого философа-социолога учиться за границу. Так Ядов оказался в Лондонской школе экономики и политических наук (1963–1964 гг.). Книга «Человек и его работа» увидела свет в 1967 г. Проект произвел переворот в понимании действительной роли труда в жизни советского человека. Побеждала не идеология (труд есть дело чести, доблести и геройства), а понимание труда людьми как условия и предпосылки для повседневного существования. Для того времени это был очень смелый вызов обществу. Но я обращаю внимание на другое. Книга заложила фундамент научной, академической социологии, созданию которой Ядов посвятил всю свою жизнь. Аналогичную роль выполнила его книга «Социологическое исследование, программа, методы», выдержавшая множество переизданий. Отмечу еще один знаковый труд тех лет, посвященный саморегуляции и прогнозированию социального поведения личности.

Однако открытие тайн человеческого поведения не интересовало административно-командную систему позднережневского времени. Дирекцию Института социально-экономических проблем АН СССР, под крышей которого собрали, как в ангаре, едва ли не всех обществоведов Ленинграда, более всего занимали «идеологические вывихи». Целеустремленный, честный социолог-аналитик Ядов, ставший к тому времени одним из ярких лидеров своей науки, не устраивал дирекцию, он был не в меру самостоятельным и к тому же позволял себе отстаивать собственные убеждения. Потому его цинично выдавили из ИСЭП'а за «ошибки», перестали пускать за границу, но, соблюдая принятые тогда «правила приличия», сослали, иначе не скажешь, в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР, в сущности, отлучив от привычной и близкой ему социологической среды.

Избавление социологов от реальных и потенциальных несправедливостей, от многолетнего бесправия произошло лишь в 1988 году, когда Политбюро ЦК КПСС приняло запоздалое постановление

«О дальнейшем повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении ключевых проблем советского общества». В итоге Институт конкретных социальных исследований АН СССР возглавил профессиональный социолог — Владимир Ядов и в соответствии с упомянутым решением ЦК создал на его основе Институт социологии. Свидетельствую, что каждый день новой директорской жизни нес на себе отпечатки его неукротимой творческой натуры. Поступки, которые он совершал, мысли, которые он выражал, для нас, людей из его окружения, были признаками его многообразных талантов, а для него, прежде всего, отстаиванием своих взглядов, как своего собственного «Я». В этом — весь Ядов.

Когда его утверждали директором Института социологии АН СССР на заседании Президиума Академии наук, тогдашний ее президент академик Г. Марчук задал ему ритуальный вопрос. В советских «верхах» действовало одно ритуальное правило: если какого-то человека наделяли доверием и назначали руководителем крупного учреждения в надежде на то, что он что-то изменит, исправит к лучшему, то считалось обязательным спросить выдвиженца: «Утверждая вас в высокой должности, мы хотели бы спросить, чем можно облегчить первые шаги в новом для вас, серьезном деле?». В эти моменты руководящий орган на мгновения превращался в богиню благотворительности. У «золотой рыбки» просили автомашины, вычислительную технику, зарплату. А тут Ядов возьми да скажи: «Прошу создать филиал Института социологии в Ленинграде. 55 моих коллег по профессии томятся в неволе у экономистов из Института социально-экономических проблем АН СССР». Г. Марчук отреагировал мгновенно: «Ну, что ж, пожалуй, в этом есть смысл. Давайте создадим филиал!». Как правило, только на обсуждение идеи быть или не быть новому учреждению уходило месяцы согласований, а тут рождение филиала произошло на глазах! И это в то время, когда страна продолжала оставаться в одном отношении неизменной, по-прежнему на все надо было получать разрешение партийных инстанций. Марчук поддался ядовской искренности. Такое случалось редко.

На каком-то витке создания филиала возник вопрос, кто возглавит новую академическую организацию? А это тоже было прерогативой партийных органов. Ядов, теперь уже директор головного академического института, поехал договариваться по этому поводу в Ленинградский обком КПСС. Он сказал без обиняков: «У меня нет никаких других кандидатур на пост директора-организатора филиала, кроме Фирсова». На что его собеседник, один из секретарей обкома партии возразил: «Как так Фирсова? Он же опальный! Он еще ходит со строгим партийным выговором, да еще с предупреждением. Как он может быть назначенным на пост директора филиала, если взыскание

не снято?». Понимая, что наступили времена, когда можно было свободно разговаривать и даже возражать в стенах, где еще недавно возражения не допускались, Ядов ответил: «А сейчас время опальных!». Подумав над этими необычными словами, его собеседник произнес: «Да, вы правы. Пусть директором будет Фирсов». «Опальный» — это еще оттуда, из советского прошлого, а вот «время опальных» — это уже отсюда, из перестроечной атмосферы, императивы которой Ядов быстрее многих усвоил и встроил в структуру своего повседневного бытия.

Он и науку социологию, одно время до странности мало или вовсе не известную в нашей стране, быстрее многих сделал своей особой повседневностью, добрался до глубин подлинно научного социологического знания, эзотерического для многих, кто искренно стремился к обновлению советской жизни, чуждого для тех, кто пытался эту жизнь сохранить нетронутой временем. Все его профессиональные победы и достижения, идет ли речь о богатейшей исследовательской практике, или о сотнях научных публикаций, принесших ему всероссийскую и мировую известность и признание, или об армии учеников и последователей, представляющих все поколения отечественных социологов, поверивших в Ядова как в свою путеводную звезду на научном небосклоне, — все они (речь о научных и педагогических достижениях самого высокого класса) опираются на его способность думать, рассуждать, писать, спорить, комментировать, объяснять себя, вступать в любой вид коммуникации на равных. Ядов сложен, если речь идет об уровне его мышления и глубине постижения реального мира, но его понимает всякий, кто хотел бы его услышать или прочесть. Без этого свойства интеллекта лидером научного сообщества стать невозможно. Но Ядов им стал, давно и заслуженно.

Когда-то я на какое-то время поставил преграду его стремительному движению к вершинам научного знания об обществе. Я — тот самый Борис Фирсов, секретарь Ленинградского обкома комсомола, который в 1956 году приехал за ним на машине, привез в обком ВЛКСМ и заставил пойти работать первым секретарем Василеостровского райкома комсомола, где он, Владимир Ядов, аспирант второго года обучения философского факультета Ленинградского государственного университета, тогда состоял на комсомольском учете. Признаю свою вину в том, что защита ядовской диссертации была отложена на два года. Все годы, прошедшие с той поры, когда кончилась моя временная власть над комсомольским активистом Владимиром Ядовым, я живу, будучи раз и навсегда покоренным его талантом ученого. Из научного руководителя моей кандидатской работы, он быстро и незаметно превратился в моего учителя и поводыря по миру социологии. Я верю ему во всем, храню верность его научным заветам и горжусь

тем, что живу и работаю во времена, когда продолжает торжествовать социологический разум моего наставника и друга.

Теперь о необщепринятом. Я хотел бы, чтобы в дни юбилея мы с признательностью вспомнили самого близкого юбиляру человека, его жену Людмилу Николаевну Лесохину, Люку, как он ее всегда трепетно называл, а следом за ним и все, кто был принят в их ленинградском и московском домах. Дома эти нельзя назвать жильем в традиционном смысле. Это — пространства, где круглосуточно совершалась полноценная и многогранная научная деятельность профессора Владимира Ядова и размещались системы жизнеобеспечения семьи, созданные Люкой с необычайным искусством и изобретательностью, в другом выражении — модули обитания, из которых он мог во всеоружии безопасно выходить в космос социологической науки. Профессиональный психолог, доктор наук, Люка была самым близким советником ученого социолога Владимира Ядова по жизни. Никто не назовет эту жизнь простой, но он прожил ее с необычайным достоинством и честью. Фундамент высоких этих качеств юбиляра покоится на любви и мудрости его жены. Да будет светла наша память о Люке и наша благодарность ей за понимание роли мужа в развитии нашей многострадальной науки.